

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова.

(Окончаніе).*)

Женскихъ натуръ, дѣятельныхъ внѣ рамокъ семейственности, «героинь» въ широкомъ смыслѣ слова въ произведеніяхъ Чехова не встрѣчается. Его героини—героини полного самопожертвованія любимому человѣку, вродѣ Анны Петровны въ «Ивановѣ», крещенной еврейки, бросившей для мужа свою прежнюю семью и прежнюю религію: «Я полюбила его съ перваго раза,—говоритъ Анна Петровна:—взглянула, а мышеловка хлопъ! Онъ сказалъ: пойдемъ... Я отрѣзала отъ себя все—какъ, знаете, отрѣзають гнилые листья ножницами, и пошла.» Подъ стать этой Аннѣ Петровнѣ—эксальтированная Нина Зарѣчная въ «Чайкѣ», которую любимый ею Тригоринъ сравниваетъ съ случайно подстрѣленной чайкой. Для Тригорина (беллетриста, по песнѣ) вся интрига съ Ниной — «сюжетъ для небольшого разсказа» про подстрѣленную чайку и загубленную охотникомъ дѣвицу, во для Нины ея любовь — большая героическая трагедія, въ которой она произноситъ тираду: «Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее». Своего рода героиней является и Надежда Федоровна въ «Дуэли», грѣшная подруга легкомысленнаго Лаевского, вмѣстѣ съ послѣднимъ подвергшая себя подвигу самоискупленія и самосовершенствованія. Изрѣдка лишь мелькнетъ у Чехова «героиня», стремящаяся къ мужскимъ цѣлямъ существованія — вродѣ его «жены», посвятившей себя дѣлу помощи голодающимъ; но такихъ персонажей въ его произведеніяхъ немного. Въ общемъ, его интеллигентныя женщины проще и симпатичнѣе героинь Боборыкина, — и Чеховъ хотя и вырисовываетъ ихъ безъ особенной идеализаціи и энтузіазма, но зато и относитъ къ нимъ съ равнымъ и искреннимъ

доброжелательствомъ, не допуская въ ихъ отношеніи пессимистическаго тона, который у него такъ часто прорывается при сужденіяхъ о мужчинахъ-восьмидесятникахъ.

Чеховъ отзывчивъ въ такой же мѣрѣ на отрицательныя стороны русской интеллигенціи, почему онъ съ такою же охотою изображаетъ слабыхъ, усталыхъ «нытиковъ», съ какою Боборыкинъ рисуетъ благополучныхъ россіянъ, — такова уже сущность его жизнегорестной психической организаціи. Но несомнѣнно, что русская жизнь даетъ ему богатый матеріалъ для проявленія этой жизнегорести, коренящейся въ томъ же фактѣ молодости русской культуры, въ которомъ коренится и русская жизнерадость. Культура наша молода, интеллигентъ всюду малочисленъ и просто подавляемъ массами некультурныхъ, кишачихъ вокругъ него, элементовъ; сама жизнь даетъ много матеріала для пессимистическихъ созерцаній, слегка замаскированныхъ у Чехова объективнымъ, Мопассановскимъ тономъ повѣствованія и описанія. Какая-то прирожденная незлобивость натуры мѣшаетъ Чехову высказывать свой пессимизмъ въ формѣ рѣзкой сатиры; но несомнѣнно, что, любя русскаго интеллигента-восьмидесятника не менѣе Боборыкина, Чеховъ относится къ этому интеллигенту съ уныніемъ и разочарованіемъ. /

Общіе выводы, къ которымъ приводить нашъ краткій и бѣглый обзоръ типовъ современнаго общества въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова, могутъ быть сформулированы въ нѣсколькихъ словахъ. Въ произведеніяхъ Боборыкина фигурируютъ интеллигенты-дѣятели, въ произведеніяхъ Чехова — интеллигенты-созерцатели; на женскихъ типахъ обоихъ беллетристовъ лежитъ отпечатокъ ихъ взглядовъ на мужчинъ-восьмидесятниковъ: женщины въ романахъ Боборыкина — натуры болѣе активныя, чѣмъ въ повѣстяхъ, разсказахъ и драмахъ Чехова. Къ одной и той же эпохѣ, начавшейся въ восьмидесятыхъ годахъ и продолжающейся нынѣ, Боборыкинъ и Чеховъ относятся различно: требованія, предъявляемыя Боборыкинымъ къ русской интеллигенціи, скромнѣе требованій Чехова, и онъ отмѣчаетъ болѣе свѣтлыхъ явленій въ жизни и

*) См. „Приб. Лист.“ № 122.

дѣятельности современнаго русскаго интеллигента; это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ разницы въ «жизнерадостномъ» и «жизнегостномъ» взглядѣ на жизнь, свойственномъ натурѣ беллетристовъ, но несомнѣнно, что и русская дѣятельность не даетъ простора тѣмъ утонченно-культурнымъ элементамъ русскаго общества, описаніе гибели которыхъ составляетъ обычное содержаніе произведеній Чехова.

Теперь мы можемъ констатировать наличность въ поколѣніи восьмидесятниковъ извѣстнаго социальнаго инстинкта, толкающаго на общественную дѣятельность героев Боборыкина, и наличность въ томъ же поколѣніи высшихъ, философскихъ стремленій, къ сожалѣнію, не связанныхъ «общей идеею», въ душахъ героев Чехова. Но тутъ и является вопросъ: какимъ образомъ восьмидесятники ощутили извѣстный социальный идеалъ и извѣстную философскую мысль, не находя кругомъ себя достаточно яркихъ выразителей этого идеала и этой мысли? Отвѣтъ простъ: этотъ идеалъ и эта мысль унаслѣдованы и переданы по традиціи; социальные элементы въ психологіи современнаго восьмидесятника перешли отъ поколѣнія людей 60-хъ годовъ, философскіе элементы — отъ поколѣнія людей 40-хъ годовъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, преемственность въ духовномъ развитіи трехъ поколѣній: какъ бы ни клеветала на «внуковъ» нѣкоторая часть современнаго русскаго общества, но эти внуки — законнѣйшіе потомки по духу и «отцовъ» — Базаровыхъ, и «дѣдовъ» — Рудинныхъ. Эти основныя два свойства психологіи восьмидесятниковъ, инстинктъ общественности и философская тенденція, еще пока только намѣчены и не могли ярко выразиться; но весьма возможно, что при сочетаніи благоприятныхъ условій внѣшне-историческаго характера, прекрасныя свойства эти проявятся во всей ихъ красотѣ; представимъ какое-нибудь историческое событіе въ русской жизни, по значенію равное событію освобожденія крестьянъ — и «а priori» можно умозаключить, что современное поколѣніе не окажется ничѣмъ хуже своихъ предковъ, отъ которыхъ, какъ-никакъ, оно унаслѣдовало лучшія традиціи.

Итакъ, для вѣрнаго пониманія психологіи современнаго русскаго общества, надо произвести мысленный синтезъ основныхъ типовъ творчества обоихъ современныхъ беллетристовъ; синтезъ этотъ дастъ типъ «дѣятельнаго интеллигента-идеалиста» — и въ эту эволюцію восьмидесятника можно вѣрить, какъ въ нѣчто положительное, нѣчто, уже имѣющее почву и корни въ современности.

Любопытно сравнить этотъ выводъ, сдѣланный изъ наблюденій надъ типами беллетристики, съ выводомъ, сдѣланнымъ публицистскою изъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью. Публицистъ Шелгуновъ, обыкновенно клеймимый «восьмидесятниковъ», однажды обмолвился о нихъ интереснымъ разсужденіемъ (въ статьѣ «Еще о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ»).

«Вычеркнувъ радикализмъ и борьбу, фракція эта (восьмидесятниковъ), — говоритъ Шелгуновъ, — задалась мыслью служить народу непосредственнымъ практическимъ путемъ и удовлетворять его насущнымъ нуждамъ въ просвѣщеніи и благоустройствѣ простыми ближайшими средствами и энергическимъ трудомъ безъ всякой окраски его въ какой-либо цѣлосторонній цвѣтъ или тенденцію, для практическаго дѣла, по мнѣнію фракціи, не имѣющихъ никакого значенія. Программа эта, несомнѣнно, почтенная и должна привести непременно къ плодотворнымъ результатамъ, потому что подготовить и создать работниковъ дѣла, воспитавшихся въ мысли о непосредственной практической дѣятельности и общественно-служебной исполнительности. Подобныхъ работниковъ у насъ еще мало и въ земствѣ, и городскомъ самоуправленіи, и даже, въ чиновничествѣ, и наше самоуправленіе сплошь и рядомъ скрипитъ только отъ ихъ недостатка. Успѣху этой пропаганды должно помочь не только ея исполнѣ легальное направленіе, но и соотвѣтствіе ея стремленій съ общимъ характеромъ дѣятельности правительства, направившейся тоже на удовлетвореніе непосредственныхъ практическихъ нуждъ народа. — Но это все-таки только одна сторона дѣла. На пользу народа работать нужно, и работать именно въ томъ направленіи, какое

приняла фракція, а затѣмъ остается и еще кое-что, что фракція намѣренно или ненамѣренно желаетъ игнорировать и на что она смотреть даже съ высокоуміемъ. Это нѣчто есть идеяность!»

Итакъ даже публицистика, отрицательно относящаяся къ восьмидесятиникамъ, отдаетъ должное ихъ социальнымъ стремленіямъ, ихъ общественной дѣловитости, — чертѣ, отмѣченной Боборыкинымъ; но эта публицистика отрицаетъ за поколѣніемъ восьмидесятыхъ годовъ «идеяность» — черту, отмѣченную Чеховымъ. Но, какъ мы видѣли, черта эта всетаки свойственна современному интеллигенту, и отрицать ее было бы несправедливостью. Несомнѣнно, что литература уже намѣчаетъ типъ «дѣятельнаго идеалиста», и что дѣятельный идеализмъ, имѣющій проявиться въ восьмидесятникахъ, будетъ синтезомъ социального идеализма 40-хъ годовъ и социального радикализма 60-хъ годовъ истекающаго вѣка. Доказать это пока еще трудно — но вѣрить уже и теперь можно, не рискуя впасть въ положеніе «credo, quia absurdum».

Конечно, два исконныхъ свойства человеческой души «жизнерадость» и «жизнегорестъ» обуславливаютъ отношеніе всякаго человѣка къ будущему — оптимисты всегда будутъ относиться къ будущей Россіи съ полнымъ довѣріемъ, пессимисты всегда будутъ ее отрицать; но все же есть надежда, что современная русская интеллигенція столкнется если не во взглядахъ, то въ своихъ чувствахъ къ поколѣнію, нынѣ выступающему на поприще общественной дѣятельности. Вспомнивъ Герцена, мы можемъ положиться на русское сердце нашей интеллигенціи, этого двуликаго Януса, или двуглаваго орла, смотрящаго въ разныя стороны «жизнерадости» и «жизнегорести», оптимизма и пессимизма; это сердце и теперь уже даетъ отвѣтъ на вопросъ о будущности русскаго общества — отвѣтъ, который можно формулировать стихами Тютчева:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней — особенная стать;
Въ Россію можно только — вѣрить!

Всеv. Чешихинъ.